

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ V.

Статья «Графа Чатамъ» переведена подъ редакціи К. Н. Бестужева-Рюмина; остальные подъ редакціи Н. М. Латкиной.

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ V.

КРИТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ИЗДАНИЕ

НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

825M11

JP

v. 5-6

Дозволено цензурой. С. Петербургъ, 12 августа 1863 г.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША.

М-МЕ Д'АРБЛЭ.

(Январь, 1843).

«Diary and Letters of Madame D'Arblay», Five vols. 8-vo. London, 1842.

«Дневникъ и Письма м-ме Д'Арблэ». Пять томовъ. 8-во Лондонъ. 1842.

Хотя свѣтъ мало слышалъ о м-ме Д'Арблэ въ послѣдніа сорокъ лѣтъ ея жизни, и хотя это малое не увеличило ея славы, но, мы думаемъ, многіе почувствовали странное волненіе, узнавши, что ея не стало среди насъ. Вѣсть о ея смерти разомъ перенесла умы людей за два поколѣнія назадъ, ко времени, когда пріобрѣтались ею первые литературные успѣхи. Всѣ тѣ, кого мы привыкли почитать какъ умственныхъ патриарховъ, казались дѣтьми въ сравненіи съ нею, потому что еще Бокъ просиживалъ ночи за чтеніемъ ея сочиненій, а Джонсонъ ставилъ ее выше Фильдингга еще въ то время, какъ Роджерсъ былъ школьникомъ, а Соути ходилъ въ курточкѣ. Но еще страннѣе кажется, что мы только теперь потеряли ту, нѣя которой пользовалось обширною извѣстностью прежде, чѣмъ кто-либо слышалъ о знаменитыхъ людяхъ, лѣтъ 20 — 30 тому назадъ унесенныхъ въ могилу послѣ долгой и блестящей карьеры. Однако такъ было дѣло. Франсизъ Борни стояла на вершинѣ своей славы и популярности, прежде чѣмъ Коуперъ издалъ свой первый томъ, прежде чѣмъ Порсонъ поступилъ въ коллегію, прежде чѣмъ Питтъ занялъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ, прежде чѣмъ голосъ Эрскина раздался въ Вестминстерской залѣ. Со времени появленія ея первой книги прошло шестьдесятъ-два года, и этотъ промежутокъ былъ наполненъ не только политическими, но и умственными революціями. Въ продолженіе

этого періода возникли, разцвѣли, завяли и исчезли тысячи репутацій. Новые роды сочиненій вошли въ моду, вышли изъ моды, были осмѣяны, были забыты. Нелѣпныя произведенія Делла Кресска и Кодебу очаровали на время толпу, но не оставили слѣдовъ за собою; ложно направленный творческій умъ не могъ спасти отъ паденія нѣкогда цвѣтущія школы Годвина, Дарвина и Радклиффъ. Многія книги, написанныя съ цѣлю произвести временный эффектъ выдержали шесть или семь изданій, и потомъ присоединились къ романамъ АФры Бэнъ, или къ эпическимъ поэмамъ сэра Ричарда Блакмора. Но первыя произведенія м-ше Д'Арблэ, не смотря на время, на перемѣну вкусовъ и на популярность, достойно заслуженную нѣкоторыми изъ ея соперниковъ, продолжаютъ занимать высокое мѣсто во мнѣніи публики. Она дожила дотого, что сдѣлалась классикомъ. Еще при жизни ея, время положило на ея славу ту печать, которую оно рѣдко налагаетъ на кого-либо, кромѣ умершихъ. Подобно сэру Конди Ракренту въ сказкѣ, она пережила свою собственную тризну и слышала судъ потомства.

Чувствуя постоянно искреннее и теплое, хотя и не слѣпое уваженіе къ ея талантамъ, мы съ радостью узнали, что ея дневникъ скоро появится въ печати. Правда, надежды наши были не безъ примѣси страха. Мы не могли забыть участи *«Мемуаровъ о-ра Борни»*, изданныхъ десять лѣтъ тому назадъ. Эта несчастная книга заключала много интереснаго и любопытнаго. Но она была принята съ крикомъ отвращенія и быстро предана забвенію. Дѣло въ томъ, что она заслуживала свою участь. Она была написана позднѣйшимъ слогомъ м-ше Д'Арблэ, самымъ худшимъ слогомъ когда-либо извѣстнымъ между людьми. Ни творческій умъ, ни познанія не могли спасти отъ паденія книгу, написанную подобнымъ слогомъ. Поэтому, мы съ немалымъ безпокойствомъ открыли *«Дневникъ»*, опасаясь наткнуться на ту особеннаго рода реторику, которая обезображиваетъ почти каждую страницу *«Мемуаровъ»* и которую нельзя читать безъ смѣси стыда, смѣха и отвращенія. Впрочемъ, мы, къ удовольствію нашему, скоро открыли, что *«Дневникъ»* писался прежде, чѣмъ м-ше Д'Арблэ сдѣлалась краснорѣчивою. Онъ, по большей части, написанъ слогомъ ранней поры ея дѣятельности, истинно жемскимъ, яснымъ, естественнымъ и оживленнымъ англ-

лійскимъ языкомъ. Обѣ книги лежатъ рядомъ передъ нами, и всякій разъ, когда мы обращаемся отъ «*Мемуаровъ*» къ «*Дневнику*», мы испытываемъ чувство облегченія. Разница между ними такъ же велика, какъ разница между атмосферой лавки парфюмера, пропитанной тяжелымъ запахомъ лавандовой воды и жасминнаго мыла, и воздухомъ покрытой верескомъ степи въ прекрасное майское утро. Всѣ, кто желаетъ познакомиться съ исторіею нашей литературы и нашихъ нравовъ, долженъ просмотрѣть обѣ книги. Но читать «*Дневникъ*»—удовольствіе, читать «*Мемуары*»—всегда будетъ тяжелымъ трудомъ.

Мы, можетъ быть, займемъ нашихъ читателей, если попытаемся, съ помощью этихъ двухъ книгъ, рассказать имъ о самыхъ важныхъ годахъ жизни м-ме Д'Арблѣ.

Она происходила изъ рода, который носилъ имя Макборни и хотя былъ, вѣроятно, ирландскаго происхожденія, но давно уже поселился въ Шропширъ и владѣлъ значительными помѣстьями въ этомъ графствѣ. Къ несчастію, задолго до ея рожденія, Макборни пачали какъ-будто умышленно рисковать и раззоряться. Предполагаемый наслѣдникъ м-ръ Джемсъ Макборни оскорбилъ своего отца, тайно обвинявшись съ актрисой изъ Goodman's Fields. Старый джентльменъ не могъ придумать болѣе разсудительнаго способа поразить мщеніемъ своего непокорнаго сына, какъ жениться на кухаркѣ. Кухарка родила сына, по имени Джозефъ, который наслѣдовалъ всѣ родо-выя земли, между тѣмъ какъ Джемсъ былъ оставленъ съ однимъ шиллингомъ. Любимый сынъ, однако, былъ до такой степени расточителенъ, что скоро сдѣлался такимъ же бѣднякомъ, какъ его лишенный наслѣдства братъ. Оба принуждены были трудами зарабатывать хлѣбъ. Джозефъ сдѣлался танцмейстеромъ и поселился въ Норфолькѣ. Джемсъ отбросилъ отъ своей фамиліи частичку Макъ и занялся портретной живописью въ Честерѣ. Здѣсь у него родился сынъ Чарльзъ, извѣстный авторъ «*Исторіи музыки*» и отецъ двухъ замѣчательныхъ дѣтей: сына, отличавшагося ученостію, и дочери, творческій умъ которой сообщилъ имени еще болѣе почетное отличіе.

Чарльзъ рано выказалъ склонность къ искусству, котораго позже онъ сдѣлался историкомъ. Его отдали въ ученіе къ одному зна-

менитому лондонскому музыканту, и онъ съ успѣхомъ и энергійею предался музыкѣ. Скоро онъ нашелъ добраго и великодушнаго покровителя въ Фулкѣ Гревиллѣ, благородномъ и благовоспитанномъ человѣкѣ, который, кажется, обладалъ въ большихъ размѣрахъ всѣми дарованіями и сумасбродствами, всѣми добродѣтелями и пороками, считавшимися, сто лѣтъ тому назадъ, характеристичными чертами совершеннаго джентльмена. Съ подобнымъ покровителемъ, молодому человѣку предстояла блестящая карьера въ столицѣ. Но его здоровье ослабло. Ему стало необходимо удалиться отъ лондонскаго дыму и рѣчныхъ тумановъ на чистый воздухъ морскаго берега. Онъ принялъ мѣсто органиста въ Линнѣ и поселился въ этомъ городѣ съ молодой леди, недавно сдѣлавшейся его женой.

Въ Линнѣ, въ іюнѣ 1732 г., родилась Франсизъ Борни. Ничто въ ея дѣтствѣ не предсказывало, что, будучи еще молодой женщиной, она достигнетъ почетнаго мѣста между англійскими писателями. Она была застѣнчива и молчалива. Ея братья и сестры называли ее неучемъ и не безъ нѣкотораго видимаго основанія, потому что, восьми лѣтъ отъ-роду, она еще не знала азбуки.

Въ 1760 г. м-ръ Борни переехалъ изъ Линна въ Лондонъ и нанялъ домъ въ Поландъ-Стритѣ, улицѣ, бывшей въ модѣ во времена королевы Анны, но покинутой съ той поры большей частью ея богатыхъ и благородныхъ обитателей. Потомъ, онъ переехалъ въ Сентъ-Мартинъ-Стритъ на южной сторонѣ Лестеръ-Сквера. Его домъ тамъ былъ извѣстенъ и будетъ извѣстенъ, пока на нашемъ островѣ сохранятся какія-нибудь слѣды цивилизаціи, потому что въ немъ жилъ Ньютонъ, и четвероугольная башенка, отличающая его отъ всѣхъ окружающихъ зданій, была обсерваторіей Ньютона.

М-ръ Борни немедленно пріобрѣлъ столько учениковъ въ самыхъ почтенныхъ классахъ общества, сколько позволяло ему время, и такимъ образомъ былъ въ состояніи содержать свое семейство, правда, скромно и умѣренно, но съ комфортомъ и независимостью. Его заслуги, какъ профессора, доставили ему степень доктора музыки Оксфордскаго университета; а его сочиненія о предметахъ, связанныхъ съ его искусствомъ, пріобрѣли ему почтенное, хотя конечно не высокое, мѣсто между литераторами.

Развитіе ума Франсизъ Борни съ девятаго до двадцать-пятаго

года заслуживаетъ описанія. Ея воспитаніе не перешло за азбуку, когда она лишилась матери, и съ тѣхъ поръ она воспитывала себя сама. Ея отецъ былъ настолько дурнымъ отцомъ, насколько могъ имъ быть очень честный, любящій и мягкій человѣкъ. Онъ вѣрно любилъ свою дочь; но, кажется, ему никогда не приходило въ голову, что отецъ имѣетъ относительно дѣтей еще другія обязанности, кромѣ приголубливанія ихъ. Дѣйствительно, для него было бы невозможно самому наблюдать за ихъ воспитаніемъ. Учительскія занятія отнимали у него весь день. Съ семи часовъ утра, онъ начиналъ ѣздить по ученикамъ, и въ сезонъ, когда вся знать въ городѣ, онъ давалъ иногда уроки до одиннадцати часовъ вечера. Часто ему приходилось носить въ карманѣ жестяной ящикъ съ сандвичами и бутылку воды съ виномъ и обѣдать такимъ образомъ въ наемной каретѣ, спѣша отъ одного ученика къ другому. Двухъ изъ своихъ дочерей онъ отправилъ въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ, но вообразилъ, что Французъ совратится изъ протестантской вѣры, если получитъ воспитаніе въ католической странѣ, и повтому оставилъ ее дома. Ей не дали ни гувернантки, ни учителей для языковъ и искусствъ. Но одна изъ ея сестеръ научила ее писать; и, прежде чѣмъ ей минуло четырнадцать лѣтъ, она начала находить удовольствіе въ чтеніи.

Впрочемъ, не чтеніе образовало ея умъ. Когда вышли лучшія ея повѣсти, ея знакомство съ книгами было очень не велико. Находясь на вершинѣ славы, она не была знакома съ самыми знаменитыми твореніями Вольтера и Мольера, и—что кажется удивительнѣе—никогда не слыхала и не видала ни одной строки Чорчилля, который, во времена ея дѣтства, былъ самымъ популярнымъ изъ поэтовъ. Особенно достойно замѣчанія то, что она, кажется, вовсе не читала романовъ. Ея отецъ имѣлъ большую бібліотеку и собралъ такъ много книгъ, которыя строгіе моралисты обыкновенно изгоняютъ, что по собственному признанію чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, когда Джонсонъ начиналъ осматривать полки. Но въ цѣлой коллекціи былъ только одинъ романъ—«Амелія» Фильдинга.

Впрочемъ, во время перехода къ возмужалости, Фанни пользовалась образованіемъ, которое, для большей части дѣвушекъ было бы бесполезно, но подходило къ ея складу ума боль-

ше, чѣмъ утонченное воспитаніе. Великая книга человѣческой природы была открыта передъ ней. Общественное положеніе ея отца было совѣтъ особенное. По средствамъ и мѣсту, занимаемому имъ, онъ принадлежалъ къ среднему классу. Его дочерямъ, кажется, позволялось свободно сближаться съ тѣми, кого дворецкіе и горничныя называютъ мужиками. Говорятъ, что онѣ имѣли обыкновеніе играть съ дѣтми парикмахера, жившаго въ сосѣднемъ домѣ. Однако, немногіе аристократы могли собрать въ самыхъ великолѣпныхъ отеляхъ Гросвеноръ-Сквера, или Сентъ-Джемсъ-Сквера, общество столь разнообразное и блестящее, какое встрѣчалось иногда въ комнаткахъ доктора Борни. Его умъ, хотя не очень могучій или обширный, былъ неутомимо дѣятеленъ, и въ досужее отъ уроковъ время онъ сумѣлъ накопить много разнообразныхъ знаній. Его дарованія, кротость характера, и мягкая простота манеръ доставили ему легкій доступъ въ первые литературные кружки. Будучи еще въ Линнѣ, онъ расположилъ къ себѣ Джонсона, съ честнымъ усердіемъ разглашая похвалы англійскому словарю. Въ Лондонѣ оба пріятеля встрѣчались часто и вполнѣ сходились. Правда, въ ихъ взаимной привязанности не доставало одного звѣна. Борни страстно любилъ свое искусство; а Джонсонъ едва умѣлъ отличать колоколъ церкви св. Климента отъ органа. Впрочемъ, у нихъ было много общихъ темъ для разговоровъ, которые въ зимніе вечера продолжались иногда такъ долго, что каминъ потухалъ и свѣчи догорали до конца. Удивленіе Борни къ таланту, произведшему «*Rasselas*» и «*Rambler*», доходило до идолопоклонства. А сварливый Джонсонъ благосклонно бормоталъ, что Борни честный человѣкъ, котораго невозможно не любить.

Гаррикъ тоже былъ частымъ посѣтителемъ Поландъ-Стрита и Сентъ-Мартинъ-Лэна. Этотъ удивительный актеръ любилъ общество дѣтей, частью изъ добродушія, частью изъ тщесавія. Взрывы веселости и страха, которые его жесты и игра лица всегда возбуждали въ дѣтской, льстили ему не менѣе рукоплесканій зрѣлыхъ критиковъ. Онъ часто выказывалъ всю силу мимики для забавы маленькихъ Борни, приводилъ ихъ въ ужасъ, содрогаясь и присѣдая, будто видя привидѣніе, пугалъ, бѣсуясь подобно сумасшедшему въ Сентъ-

Люкъ, и вслѣдъ за этимъ явился вдругъ аукціонистомъ, трубочникомъ или старухой, и заставлялъ ихъ хохотать до слезъ.

Но было бы скучно перечислять имена всѣхъ литераторовъ и артистовъ, которыхъ Франсиъ Борни имѣла возможность видѣть и слышать. Кольманъ, Твайнингъ, Гаррисъ, Баретти, Гоксвортъ, Рейнольдъ, Барри были въ числѣ лицъ, сходявшихся порой за чайнымъ столомъ и ужиномъ въ скромномъ жилищѣ ея отца. Это еще не все. Значеніе, которое м-ръ Борни приобрѣлъ, какъ музыкантъ и какъ историкъ музыки, привлекало въ его домъ самые замѣчательные музыкальные таланты того вѣка. Величайшіе итальянскіе пѣвцы, посѣщавшіе Англію, смотрѣли на него, какъ на раздавателя славы въ ихъ искусствѣ и старались приобрести его одобреніе. Пакъеротти сдѣлался его короткимъ пріятелемъ. Алчная Агуджари, не пѣвшая ни для кого меньше пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за арію, пѣла свои лучшія пьесы для д-ра Борни даромъ, и даже надменная и эксцентричная Габріелли въ обществѣ доктора Борни принуждала себя къ учтивости. Такимъ образомъ, онъ могъ, почти безъ издержекъ давать концерты, не хуже концертовъ, даваемыхъ аристократами. Въ подобныхъ случаяхъ, въ тихой улицѣ, въ которой онъ жилъ, тѣснились кареты съ гербами, а въ его маленькой гостинной толпились перы, супруги перовъ, министры и посланники. На одномъ вечерѣ, о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія, присутствовали лордъ Мюльгревъ, лордъ Брюсъ, лордъ и леди Эджкомъ, членъ военнаго министерства лордъ Баррингтонъ, членъ адмиралтейства лордъ Сандвичъ, лордъ Ашборнгамъ, съ своимъ золотымъ, болтавшимся изъ кармана, ключомъ, и французскій посланникъ м. де-Гинь, извѣстный своей красотой и успѣхами въ волокитствѣ. Но замѣчательнѣйшимъ явленіемъ этого вечера былъ русскій посланникъ графъ Орловъ, исполненная фигура котораго вся блистала драгоценностями и въ обращеніи котораго, сквозь тонкій лоскъ французской вѣжливости, проглядывала неукротимая свирѣпость скиѣа. Когда онъ проходилъ по маленькой гостинной, касаясь потолка своимъ тупеомъ, дѣвушки шептали одна другой со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и ужаса, что это счастливый любовникъ своей августѣйшей властительницы, принимавшій главное участіе въ переворотѣ, которому она обязана своимъ трономъ.

Съ этими знаменитостями смѣшивались всѣ замѣчательнѣйшіе образцы львовъ — родъ дичи, за которой охотятся въ Лондонѣ каждой весной съ болѣею энергіей и постоянствомъ, чѣмъ самъ Мельтонъ. Брюсъ, обмывавшій куски мяса, вырѣзанные изъ живыхъ быковъ, водою изъ Нильскихъ истоковъ, приходилъ хвастаться своими путешествіями. Омаи картанглъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ и вылъ—заставляя всѣхъ собравшихся музыкантовъ закрывать уши—отантскія любовныя пѣсни, подобныя тѣмъ, которыми Оберея очаровывала своего Опано.

Врядъ ли можно сказать, что Франсизъ вѣтшивалась въ литературное и фешьенебельное общество, сходившееся порой подъ кровлей д-ра Борни. Она не была музыкантшей и потому не могла принимать участія въ концертахъ. Она была застѣнчива почти до неловкости, и врядъ ли когда вѣтшивалась въ разговоръ. Малѣйшее замѣчаніе посторонняго смущало ее, и даже старые друзья отца, пытавшіеся завлечь ее въ разговоръ, рѣдко могли добиться чего-нибудь, кромѣ «да» или «нѣтъ». Она была мала ростомъ, и не отличалась красотою. Поэтому ей позволяли спокойно удалиться на задній планъ и, не будучи вовсе замѣченной, наблюдать все, что происходило. Ея ближайшіе родственники знали, что она обладаетъ здравымъ смысломъ, но, кажется, не подозрѣвали, что подъ ея степеннымъ и застѣнчивымъ видомъ таились плодovitая изобрѣтательность и острое чутье смѣшнаго. Правда, у нея не было способности замѣчать тонкіе оттѣнки характера; но всякая рѣзкая особенность немедленно обращала на себя ея вниманіе и запечатлѣвалась въ ея воображеніи. Такимъ образомъ, будучи еще дѣвочкой, она накопила такой богатый запасъ матеріаловъ для вымысла, какой немногіе изъ бывающихъ часто въ обществѣ способны собрать въ продолженіе всей жизни. Она наблюдала и слушала людей всѣхъ классовъ, начиная отъ припцовъ и важныхъ государственныхъ людей, до артистовъ, жившихъ на чердакахъ, и поэтовъ, коротко знакомыхъ съ подземными тавернами. Передъ ней проходили сотни замѣчательныхъ лицъ: англичане, французы, нѣмцы, итальянцы, лорды и скрипачи, деканы соборовъ и директоры театровъ, путешественники, водившіе съ собой вновь пойманныхъ дикарей, и пѣвицы, сопровождаемыя вице-мужьями.

Впечатлѣніе, сдѣланное на умъ Франсизъ обществомъ, которое она обыкновенно видѣла, было такъ сильно, что она начала писать маленькіе, вымышленные рассказы, лишь только стала свободно владѣть перомъ, что, какъ мы уже говорили, случилось не очень рано. Эти исторіи доставляли удовольствіе ея сестрамъ, но докторъ Борни ничего не зналъ объ ихъ существованіи; а съ другой стороны ея литературныя стремленія встрѣтили серьезный отпоръ. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, ея отецъ женился вторично. Новая м-зъ Борни скоро открыла, что ея падчерица—охотница марать бумагу, и прочитала ей нѣсколько добродушныхъ проповѣдей на этотъ счетъ. Совѣтъ былъ, несомнѣнно, благонамѣренный, и могъ быть данъ самымъ разсудительнымъ другомъ, потому что, въ это время, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ потомъ, ничто не было такъ неблаговидно для молодой леди, какъ быть извѣстной за сочинительницу повѣстей. Франсизъ уступила, отказалась отъ своихъ любимыхъ занятій и сожгла всѣ рукописи. ^(*)

Теперь она усердно занималась шитьемъ съ завтрака до обѣда. Но обѣды тогда были ранніе; а все послѣобѣденное время принадлежало ей. Хотя она отказалась отъ писанія повѣстей, но все-таки любила работать перомъ. Она начала писать дневникъ, и завела обширную переписку съ человѣкомъ, который, кажется, принималъ главное участіе въ образованіи ея ума. Это былъ Самюэль Криспъ, старинный другъ ея отца. Его имя, назадь тому почти сто лѣтъ, хорошо извѣстное въ самыхъ блестящихъ лондонскихъ кружкахъ, давно забыто. Но его исторія такъ интересна и поучительна, что соблазняетъ насъ сдѣлать маленькое отступление.

Задолго до рожденія Франсизъ Борни, м-ръ Криспъ вступилъ въ свѣтъ, при весьма выгодной обстановкѣ. Онъ имѣлъ хорошія связи и хорошее образованіе. Его лицо и фигура были замѣчательно красивы, манеры изящны, средства достаточны, репутація

(*) Здѣсь есть неточность относительно хронологіи. «Эта жертва, говоритъ издатель «Дневника», сдѣлана была молодой писательницей на ея пятнадцатомъ году. Этого не могло быть; потому что жертва была, по собственному показанію издателя, результатомъ убѣжденій второй м-зъ Борни, а Франсизъ былъ шестнадцатый годъ, когда совершился второй бракъ ея отца.

безукоризненна, онъ жилъ въ лучшемъ обществѣ, много читалъ, хорошо говорилъ, его вкусъ въ литературѣ, музыкѣ, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ пользовался высокимъ уваженіемъ. Повидимому онъ имѣлъ все, что свѣтъ можетъ дать для счастья и почета человека, недоставало только, чтобы м-ръ Криспиъ понималъ предѣлы своихъ силъ и не бросалъ бы то, что было въ его средствахъ, гонясь за отличіями, недостижимыми для него.

«Неоспоримая истина, говоритъ Свифтъ, что человѣкъ, вѣрно понимающій собственные таланты, всегда станетъ на мѣстѣ, а человѣкъ, ложно понимающій ихъ, всегда будетъ не на мѣстѣ.» Каждый день приноситъ намъ новыя подтвержденія вѣрности этой мысли; но мы не помнимъ лучшаго комментарія къ ней, какъ исторія Самюэля Криспа. Люди, подобные ему, имѣютъ свое собственное и чрезвычайно важное мѣсто въ литературномъ мірѣ. Сужденіемъ ихъ окончательно опредѣляется мѣсто авторовъ. Не въ толпѣ и не въ тѣхъ немногихъ, которые одарены великимъ творческимъ геніемъ, должны мы искать основательныхъ критическихъ рѣшеній. Толпа, не знакомая съ лучшими образцами, илѣняется тѣмъ, что оглушаетъ и ослѣпляетъ ее. Она покинула м-съ Сиддонсъ, чтобы бѣжать за мастеромъ Бетти, и теперь, безъ сомнѣнія, предпочитаетъ Джакъ Шенпарда фонъ Артевелюду. Съ другой стороны, человѣку съ великимъ оригинальнымъ геніемъ, человѣку, достигшему превосходства въ какой-нибудь высшей отрасли искусства, далеко нельзя безусловно вѣрить въ сужденіи о чужихъ произведеніяхъ. Ошибочныя рѣшенія подобныхъ лицъ безчисленны. Обыкновенно предполагаютъ, что зависть дѣлаетъ ихъ несправедливыми. Но не трудно найти объясненіе, дѣлающее имъ болѣе чести. Самое превосходство творенія показываетъ, что нѣкоторые изъ способностей автора развивались на счетъ остальныхъ, потому что человѣческому уму не дано широко развиваться заразъ во всѣхъ направленіяхъ и быть въ одно и то же время исполненнымъ и соразмѣрнымъ во всѣхъ частяхъ. Тотъ, кто ищетъ преобладанія въ одномъ какомъ-нибудь искусствѣ, даже въ одной отрасли какого-нибудь искусства, обыкновенно предается съ напряженнымъ энтузіазмомъ достиженію исключительно этого рода совершенства. Поэтому, его пониманіе другихъ родовъ совершенства слишкомъ часто бываетъ

невѣрно. Въ своей сферѣ, онъ хвалитъ и осуждаетъ наобумъ, и его сужденія далеко не заслуживаютъ столько довѣрія, сколько сужденія простаго знатока, который ничего не создаетъ, и все дѣло котораго состоитъ только въ сужденіи и наслажденіи. Одинъ живописецъ отличается своей утонченной отдѣлкой. Онъ день-за-день трудится надъ жилками капустнаго листка, складками кружевнаго вуала, морщинами старушечьаго лица, усиливаясь довести ихъ до совершенства. Въ продолженіе того времени, которое онъ проводитъ надъ квадратнымъ футомъ холста, художникъ другаго рода покрываетъ стѣны дворца богами, погребаящими гигантовъ подъ горами, или оживляетъ серафимами и мучениками куполъ церкви. Чѣмъ сильнѣе страсть каждаго изъ этихъ артистовъ къ своему искусству, чѣмъ выше достоинство каждаго изъ нихъ въ своемъ родѣ, тѣмъ менѣе вѣроятности, что они вѣрно оцѣнятъ другъ друга. Многіе люди, никогда не державшіе караваша, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ Микель Анджело лучше, чѣмъ оцѣнилъ бы его Жераръ Доу, и лучше оцѣнятъ Жерара Доу, чѣмъ оцѣнилъ бы его Микель Анджело.

То же самое и въ литературѣ. Тысячи людей, неимѣющихъ и искры генія Драйдена или Вордсворта отдадутъ Драйдену справедливость, какой никогда не отдавалъ ему Вордсвортъ, и Вордсворту, справедливость, какой, мы подозреваемъ, никогда не отдалъ бы ему Драйденъ. Грей, Джонсонъ, Ричардсонъ, Фильдингъ—всѣ высоко цѣнятся массою умныхъ и свѣдущихъ людей. Но Грей не видѣлъ достоинства въ «*Rassellas*», а Джонсонъ не видѣлъ достоинства въ «*The Bard*». Фильдингъ считалъ Ричардсона высокопарнымъ пустозвономъ, а Ричардсонъ постоянно выражалъ презрѣніе и отвращеніе къ простонародности Фильдинга.

М-ръ Криспъ, сколько мы можемъ судить, былъ, кажется, человекомъ, замѣчательно способнымъ для полезной роли цѣнителя. Его таланты и знанія давали ему возможность вѣрно цѣнить почти всѣ роды умственнаго превосходства. Какъ совѣтникъ, онъ былъ неоцѣнимъ. Мало того, онъ могъ бы, вѣроятно, занимать уважаемое мѣсто какъ писатель, еслибъ ограничился какою-нибудь отраслью литературы, въ которой требовались бы только умъ, вкусъ и начитанность. Къ несчастію, онъ захотѣлъ непременно быть великимъ поэтомъ,